

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Формула русского мира

Ученики вспоминают Евгения Барышникова

ЕЛЕНА БРЕДИС

Ровно восемьдесят пять лет назад в этот день родился выдающийся российский филолог, один из основателей современного отечественного толстоведения Евгений Барышников. По счастливой для Липецка судьбе с тысяча девятьсот семидесятого года Евгений Петрович работал в нашем педагогическом институте.

Фигура отнюдь не провинциального масштаба, Барышников был удивительно скромным человеком, для которого понятия «карьера» и «личный успех» были просто пустым звуком. Но поразительная глубина его знаний, степень проникновения в художественное слово, способность увидеть в исследованном, как говорится, вдоль и поперек классическом произведении то, чего до него не видели другие, оказывали магическое влияние на его студентов. Для многих из них он определил не только профессию и дело всей жизни, но и совершенно особое отношение к миру. «Барышниковские чтения», которые регулярно проводятся в ЛГПУ, — дань памяти учителя. Рассказывает один из его учеников и последователей, доцент филологического факультета ЛГПУ Александр Кондратьев:

— Евгений Петрович не был оратором, не превращал лекции в «театр одного актера», но своим тихим голосом он делал для нас такие открытия, которые кардинально меняли наше мироощущение, заставляли совершенно по-новому взглянуть и на себя, и на этот мир. Вы знаете, как студенты «любят» ходить к первой паре. Но на лекции Барышникова мы не опаздывали, независимо от того, во сколько накануне легли спать. Он был нашим кумиром.

— Мне как дилетанту трудно представить, что нового можно открыть в творчестве Толстого...

— О, Толстого можно открывать бесконечно, поскольку он всегда актуален, что бы ни происходило у нас за окнами. Именно это и доказывал Евгений Петрович всю жизнь. Сам он открыл в Толстом «формулу русского мира», на которую до него мало кто обращал внимание: человек — это все и одновременно часть всего. Именно эта «формула», эта диалектика лежит в основе русского православия, русской традиционной культуры. Сам Евгений Петрович в эпоху нашего воинствующего атеизма был человеком глубоко православным и по отношению к жизни, и по отношению к людям, и по манере выстраивать диалог. Ну и по тому, что он давал нам на лекциях.

— Но каким образом ему удавалось это делать? Ведь открыто верующие тогда на самом деле подвергались гонениям.

С коллегами по работе. Евгений Барышников в центре.

— Для него православие не было средством борьбы, эдаким знаменем несогласного с властью, да и сам он никогда не был оппозиционером, диссидентом. Он так ощущал мир, так воспринимал его. Он был просто до глубины души русским человеком. Сегодня многие уже осознают, к чему привело диссидентство, а мы, благодаря Барышникову, понимали это уже тогда. Он показывал нам тот путь, по которому на самом деле должен был бы пойти русский народ. И на Руси, и у Толстого человек состоялся лишь тогда, когда он исчез с социального горизонта, слился с народом. Но для этого он сначала должен стать самим собой. Ведь князь Андрей, который сначала считает себя исключительной натурой, в итоге приходит к пониманию того, что единственный верный путь — это стать частью всех. Вы чувствуете, насколько это противоречит западным установкам на личный успех и личные достижения, которые нам последние четверть века навязываются?

— Барышников дал вам больше как ученый или как педагог?

— Это невозможно разъединить. В нем было потрясающее сочетание и ученого, и педагога, и человека. Представьте, студенты тихого провинциального вуза едут на конференцию в Ленинградский пединститут имени Герцена, и их доклады признаются лучшими. Потому что Евгений Петрович умел не только передать нам результаты своего аналитического опыта, но и научить самостоятельному анализу. Он показывал нам, что такое на самом деле русская традиция, русский дух. Вот сейчас стало модным слово «соборность». А что это? Это когда чужая боль становится твоей собственной. Я помню из своей юности бабушек на лавочке, которые сокрушались по поводу судьбы негров в Америке. И ведь это было искренне! Сегодня нередко антропологию Толстого преподносят совершенно неверно: дескать, он

призывал к стадной, роевой модели жизни. Неправда! У Льва Николаевича ты не можешь стать частью всех, пока ты духовно не состоялся. Сегодня нам неустанно твердят о свободе личности. А по-русски свобода — это смирение перед исполнением предназначанного Богом пути. И тогда никакая темная сила, никакой «спайс», никакие соблазны не свратят тебя с этого пути. И вот именно это открывал для нас Евгений Петрович. Сам

никто из нас не рвал на себе волосы и не кричал, что ему зажимают рот. Перед нами просто был другой пример. Проводя семинар по статье Ленина о Толстом, Евгений Петрович параллельно давал колоссальный пласт той же русской религиозной философии. Но для него это не было подвигом, не было «фигой в кармане», не являлось предметом собственной гордости. Он делал это естественно и органично. И, обратите внима-

Поразительная глубина его знаний, степень проникновения в художественное слово, способность увидеть в исследованном, как говорится, вдоль и поперек классическом произведении то, чего до него не видели другие, оказывали магическое влияние на его студентов.

он даже не осознавал, какой величиной в отечественном литературоведении является. Работа в Липецке — значит, работа в Липецке. Надо поехать со всеми на картошку — значит, на картошку. А ведь он был на равных с московскими представителями профессорско-академической среды.

— И все-таки, ведь Барышников начал работать как раз в период оттепели, каким образом он не попал под влияние диссидентского движения?

— Но оттепель — явление куда более сложное, чем просто диссидентство, которое являлось лишь верхним слоем. На более глубинном уровне оттепель — это еще и возвращение к корням. Это Распутин в литературе, это Рубцов в поэзии, это гражданские стихи Рождественского. Да, порой нам приходилось подбирать формулировки, темы, но не это являлось главной трагедией или главной проблемой,

он был истинно русским интеллигентом, русским мыслителем и педагогом. С ним невозможно было скатиться ни до панибратства, ни до низкопоклонства.

— А как бы Барышников отреагировал на сегодняшние украинские события?

— Как бы мог отреагировать человек, естественным которого было ощущение русского мира, причастности к русскому миру?! Ведь то, что сегодня происходит на Украине, это не что иное, как попытка уничтожить и русскую культуру, и православную веру, и русское самосознание. Я не сомневаюсь, что Евгений Петрович воспринял бы эти события не как войну за территорию, а как битву именно за самосохранение русского мира. Ведь наши либералы сегодня в своей демагогии доходят до цинизма. Недавно в передаче у Соловьева Борис Надеждин стал всех призывать к терпимости и настаивать на том, что на Украине нет никакого фашизма. И только когда Соловьев процитировал ему Порошенко, который называет Бандеру героем нации, господин Надеждин ступешлся. Нынешняя бандитская свора, называемая украинской армией, никогда не сможет поведить русский народ, живущий на юго-востоке. Потому что народ наш силен как раз своей укорененностью в традициях, в культуре, в вере. А укорененность эта порождает ощущение защищенности. И это всегда раскрывала и показывала классическая русская литература, что и подчеркивал на своих лекциях и семинарах Барышников.

— Мы сегодня постоянно говорим об инновациях в самых разных сферах, в том числе и в гуманитарных. Но тогда как это соотнобразится с той укорененностью, о которой вы упомянули?

— Так смотря что считать инновациями. Когда в семидесятые годы прошлого века тоже стали говорить о новаторстве, Евгений Петрович любил повторять, что любое новаторство плодотворно лишь в том случае, когда оно зиждется на традициях, а не отменяет их. Новаторство может быть только по вертикали, когда ты поднимаешься на новую ступеньку для обзора опыта, когда с этой ступеньки ты можешь разглядеть в этих традициях то, чего не видел вчера. Как только с введением ЕГЭ мы попытались отмахнуться от традиций российской словесности, российского образования, то практически оказались на грани катастрофы. Мы получили не только безграмотных детей, но еще и детей, не умеющих выражать свои мысли, вообще не умеющих думать. Вот к чему привела тестовая система сдачи экзамена, к чему привел отказ от сочинения. К счастью, сегодня мы постепенно начинаем возвращаться к исконно нашим традициям. Возвращаемся с тяжелым опытом, но именно он-то и поможет увидеть в них то, что позволит нам сделать огромный шаг вперед.

— А студентам доводилось общаться с Евгением Петровичем вне стен аудитории?

— Конечно! Он был удивительно, как сегодня бы сказали, демократичным человеком. В нем не было ни капли эстетства, элитарности, снобизма: мол, я посвященный, а вы-то кто? С ним было очень легко общаться, потому что